

Сююн, как только всё закончится, зайди ко мне в офис, я отведу тебя к твоему отцу. Так сказал ей Пак Чин Ён сегодня после окончания занятий, когда они уходили.

Он не стал скрывать тот факт, что является близким другом отца Пак Сююн.

Впрочем, сказанное в этот момент уже никого особо не волновало.

Потому что талант Пак Сююн был налицо: хотя запись должна была начаться только завтра, все они были уверены, что у Пак Сююн не возникнет никаких проблем.

Сююн, ты что, собираешься бросить онни и пойти поесть чего-нибудь вкусненького? — МОМО, услышав, что Пак Сююн собирается встретиться с отцом Пак Чин Ёна и заодно отведать вкусной еды, изобразила такое расстроенное и скорбное выражение лица, что, не зная этого, можно было бы подумать, будто Пак Сююн разбила ей сердце.

Ой, онни, я потом принесу вам немного с собой, не переживайте, РД-ним на меня не набросится с упрёками. Пак Сююн рассмешила такая гримаса МОМО.

Кто здесь не знал эту машину для поглощения еды по имени Хираи Момо, способную есть один-единственный яичный тарт с таким глубокомысленным видом, будто она размышляет о смысле жизни? Пак Сююн была уверена, что если она действительно проигнорирует её и съест всё в одиночку, эта онни будет помнить ей это всю жизнь.

Правда?! Я так и знала, Сююн лучше всех! — услышав это, МОМО в восторге заключила Пак Сююн в крепкие медвежьи объятия.

Пак Сююн на собственной шкуре прочувствовала выражение «и больно, и радостно», едва не закатив глаза от удушающего эффекта выдающихся форм МОМО.

Во второй половине дня, после окончания тренировок, Пак Сююн отправилась в кабинет продюсера.

Пак Чин Ён сначала отвёз её в общежитие, чтобы она могла умыться и привести себя в порядок, а затем они сели в машину и приехали в отдельный кабинет ресторана неподалёку от здания JYP.

Когда они толкнули дверь, внутри сидела одинокая фигура.

Увидев гостя, Пак Сююн почувствовала необъяснимую теплоту на душе. Она подошла, села рядом и ласково позвала:

Папа~

— Ох, сокровище моё, как ты? Привыкла уже? — О Сонён нежно потрепал девушку по волосам, а в его глазах читались безграничная забота и нежность.

Привыкла, онни ко мне очень добры, и дядя тоже обо мне заботится.

Услышав это, О Сонён удовлетворённо кивнул и только после этого перевёл взгляд на всё это время улыбавшегося Пак Чин Ёна.

Хён. — Мужчины крепко обнялись.

Твоя драгоценная дочурка просто невероятна: всего за два дня построила своих сокомандниц так, что те слушаются её беспрекословно. — Усевшись на место, в шутку произнёс Пак Чин Ён.

Пак Сююн надула губки, явно выражая несогласие со словами Пак Чин Ёна.

Да вовсе нет, я заслужила признание онни благодаря собственным силам.

Увидев дочь с таким выражением лица, О Сонён не удержался и рассмеялся, поднявшись с места.

Хорошо-хорошо, наша Сюси самая лучшая.

С этими словами он взял пиалу и положил Пак Сююн немного еды.

Давай ешь, всё только что подали. Чин Ён-хён, давай поедим и заодно поговорим.

Перед Пак Сююн оказалась полная пиала еды — всё сплошбахом из её самых любимых блюд.

У неё аж слюнки потекли, и она целиком сосредоточилась на содержимом своей пиалы.

О Сонён и Пак Чин Ён тем временем принялись за еду и параллельно завели разговор о контракте.

Сама она ничего в этом не понимала, поэтому оставалось только усердно уплетать еду.

К моменту окончания трапезы они расстались в прекрасном расположении духа, а вопрос с контрактом был идеально решён.

После обеда они ещё немного поболтали, и Пак Чин Ён поднялся, собираясь уходить.

Сююн, пообщайся как следует с папой, завтра приходи в компанию пораньше на запись, а я пойду. Увидимся в следующий раз, когда будет время.

У каждого из них хватало своих дел, поэтому Пак Чин Ён не стал церемониться. Дав Пак Сююн последние наставления, он взял только что подписанный контракт и в полном удовлетворении удалился.

Пак Сююн погладила свой кругленький животик и, глядя на О Сонёна, спросила:

Папа, а где мама?

О Сонён услышав это, с наигранным недовольством произнёс:

Ещё хватает совести спрашивать! Вместо того чтобы спокойно жить дома, обязательно надо было ехать сюда на страдания. Твоя мама до сих пор на тебя дуется.

Ой~ — Пак Сююн опустила голову и умолкла.

Ах ты девчонка, ну что с тобой поделать... Смотри, это что такое? — видя реакцию дочери, О Сонён махнул на неё рукой, сдаваясь.

Он протянул руку за сиденье, вытащил пакет и поставил перед ней.

Что это? — внимание Пак Сююн тут же переключилось на содержимое пакета.

Открой и посмотри.

Пак Сююн встала, развязала пакет, и при виде того, что лежало внутри, её глаза мгновенно засияли.

В пакете обнаружилось множество разнообразных мелких снеков, а среди них — коробочка с шоколадом.

Она с первого взгляда узнала её: мама всегда пользовалась именно такими коробочками, когда сама делала шоколад.

Всё-всё, хватит разглядывать. Я отвезу тебя в общежитие, завтра утром мне уже уезжать. Звони маме почаще, слышишь? — любуясь её живым и непосредственным поведением, О Сонён всё же не удержался от напутствия.

Угу-угу, знаю! — внимание Пак Сююн уже полностью было поглощено сладостями, и лишь

когда она села в машину, до неё дошло, что она, кажется, забыла о чём-то очень важном.

Ой! Кошмар! Папа, я же совсем забыла взять еду для онни!

— Ой, пока ты соберёшься вспомнить, всё уже сто раз остынет. Я уже попросил ресторан упаковать еду с собой, она лежит на заднем сидении, смотри опять не забудь.

Услышав это, Пак Сююн посмотрела на отца взглядом, в котором читалось чистое обожание: надо же, он подумал даже о её сокомандницах.

Неужели это и есть тот самый взрослый мир?

Хм? Стоп, а почему она вообще подумала про взрослый мир? Разве до попадания в этот мир она не была взрослой? Или на неё так влияли воспоминания прежней владелицы тела?

Пак Сююн помассировала разболевшуюся голову и решила больше об этом не думать.

В конце концов, кем бы она ни стала, она остаётся собой, так зачем терзать себя мыслями о том, от чего уже не осталось и следа.

И вот так просто уйдёшь? — О Сонён с обиженным выражением лица смотрел на Пак Сююн, которая уже собиралась уходить, прихватив пакет.

Глядя на отца, ведущего себя точь-в-точь как ребёнок, она беспомощно покачала головой.

Ладно уж, сделав скидку на то, что он позаботился о её любимых онни, Пак Сююн подбежала и легко чмокнула О Сонёна в щеку.

Папа, пока! — помахав рукой, она побежала в сторону общежития.

О Сонён расплылся в счастливой улыбке — типичный отец-дочколюб. Увидев, как дочка стыдливо убегает, он улыбался во весь рот, так что глаз было не видно.

Узнай он, что Пак Сююн побежала так быстро лишь из страха, что упакованная еда остынет, трудно сказать, какие чувства овладели бы им.

Я вернулась! — с энтузиазмом вбежала в общежитие Пак Сююн.

Первой на голос, вполне предсказуемо, откликнулась не она одна.

Момо, с мокрой после душа головой, распахнула дверь комнаты.

Заметив в руках у Пак Сююн большой пакет, она мгновенно озарилась сияющей улыбкой.

Сююн! Ты вернулась! Что вкусенького принесла?

Обеденного стола в гостиной не было, поэтому они уселись прямо на полу, а остальные девочки тоже по очереди повыходили из комнат.

Увидев гору упаковочных коробок, все дружно обступили их плотным кольцом.

Мы ведь совсем не ужинали, специально ждали, пока ты вернёшься! — с видом человека, заслужившего награду, произнесла МОМО.

Остальные одновременно испытали смешанные чувства злости и веселья: вообще-то они уже собирались пойти поужинать, но МОМО загнала их обратно в общежитие, заявив, что Пак Сююн принесёт им поесть.

Услышав это, Пак Сююн мысленно смахнула холодный пот со лба.

К счастью, папа оказался таким заботливым и заранее велел упаковать еду, иначе по возвращении её ждала бы встреча с девятью «жаждущими пищи» онни, и трудно представить, чем бы всё это закончилось.

<http://bllate.org/book/22375/2347459>